

XV 63
4

МУРЗИКА

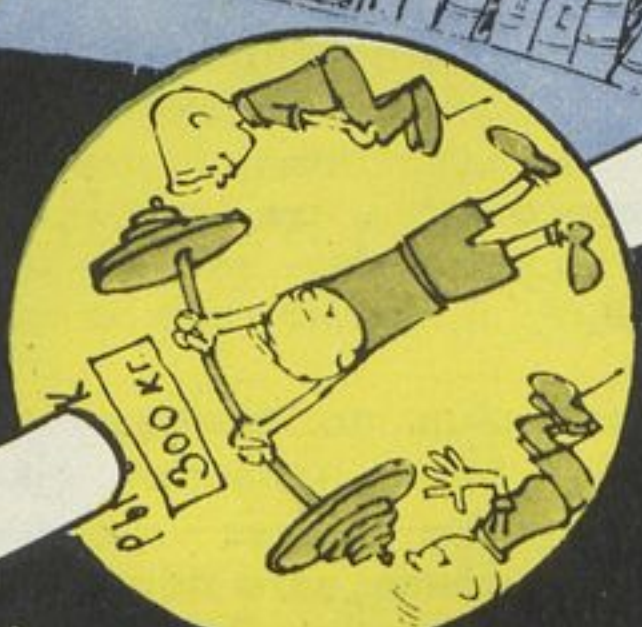
№ 6

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

ИЮНЬ
1963

КОСМИЧЕСКИЙ ВОКЗАЛ

КОСМИЧЕСКИЙ ВОКЗАЛ

С. ГУЩЕВ

Пройдёт немного лет, и высоко в небе поплывёт вокруг Земли удивительное «колесо», которое ты только что рассмотрел на предыдущих страницах. Что же это за «колесо»? И зачем поднимать его так высоко?

А вот зачем. Земной шар, оказывается, похож на магнит. Поднеси к магниту железку, и она — щёлк! — прилипла, оторвать трудно. Но уж если оторвал да отодвинул подальше в сторону, то магнит её не притянет. Так получается и с космическими ракетами. Очень трудно ракетам отрываться от Земли. Ревут, грохочут двигатели, всё меньше горючего остаётся. Но вот ракета поднялась выше облаков, туда, где кончается воздух, и лететь ей сразу становится легко. А горючее кончилось. Как быть? Вот здесь-то и пригодится путешественникам космический вокзал — большой искусственный спутник. На нём можно не только заправиться горючим, но и отдохнуть. Можно пересесть на большую ракету, которой уже ничто не мешает лететь на Марс, на Венеру...

Сразу и не сообразишь, как удалось поднять на такую высоту большее «колесо». Очень просто: его по частям привозили туда на ракетах и собирали, как на Земле собирают дома из блоков.

В самом центре «колеса» не забыли даже сделать специальный гараж для маленьких ракет-«такси», которые прилетают с Земли.

Собирать «колесо» было нетрудно (ведь на спутнике полная невесомость), но жить там долгое время, не чувствуя своего веса, уж больно

непривычно. Тогда решили закрутить «колесо». Завертелось оно, как карусель, как «колесо смеха» в парках культуры. И сразу прижало всех к наружной стенке, и стенка для людей стала полом. Появилась, как говорят, искусственная тяжесть.

Художник нарисовал вместо учёных, взрослых людей, — ребят. Посмотрите-ка: в самом центре станции, в единственном месте, где ещё осталась невесомость, со своим телескопом устроился астроном. Ни облака ему не мешают, ни воздух, и видно всё очень далеко и отчётливо.

Если пойдёшь по спице — коридору, тяжесть постепенно будет нарастать. Немного отошёл от центра — тебе будет казаться лёгкой даже массивная штанга, зато подальше — и маленькую гирику еле осилишь. Здесь тренируются космонавты, готовят себя к большим перегрузкам.

Всё здесь необычно, даже кухня. Плита на кухне электрическая, а нагревается она током от солнечных батарей.

На спутнике нет огорода, но есть оранжерея и особый аквариум, где выращивают хлореллу, водоросль. Вычерпает повар из аквариума зелёные водоросли, посолит — и в кастрюлю. И такой суп получается — пальчики оближешь! Даже котлеты из хлореллы делают. К ужину глянешь — в аквариуме опять полно хлореллы. Новый урожай поспел. Уж очень быстро растёт эта водоросль.

Довольны все, кто живёт на обитаемом спутнике!

1 июня — Международный день защиты детей.

2 июня исполняется 1100 лет со времени основания города Смоленска.

23 июня исполняется 75 лет со дня первого хорового исполнения «Интернационала».

30 июня — День советской молодёжи. Не забудь в этот день поздравить старших братьев и сестёр, их товарищей.

ВЕСЁЛЫЙ ХОРОВОД

Л. КОНДРАШЕНКО

Если море Чёрное
С Белым морем слить,
Волны моря Жёлтого
Присоединить;
Если море Красное
Выплеснуть туда,
Чтоб смешалась разная
Всех морей вода...
Если вылить это
Всё в громадный чан,
То какого цвета
Будет океан?

Если встанут рядом
Дети всей Земли —
Не окинешь взглядом
Всех друзей вдали!
Эту вереницу
Радостных ребят
За день даже птицы
Вряд ли облетят.
Если каждый друга
За руки возьмёт,
То каким весёлым
Будет хоровод!

Рис. Т. ТОЛСТОЙ

С. МАРШАК

Рис. Л. ТОКМАКОВА

Видишь, смотрят из гнезда
Два молоденьких дрозда.
Клюв покажет первый дрозд,
А второй покажет хвост.

считай
по
ПАЛЬЦАМ

Стала курица считать
Маленьких цыпляток.
Белых пять,
И рыжих пять,
А всего десяток.

РАССКАЗ О ПЕРВОМ ПОЕДИНКЕ

Звон упряжных колокольцев Вывчей услышал ещё во сне. Они пропели совсем рядом и затихли. А через минуту откинулся полог, и в чум вошёл брат.

— Ай да засоня, хо! — сказал он и стащил с Вывчей одеяло. — Смотри-ка, что я привёз!

В руках у брата была тасма, самая настоящая тасма, какую носят пастухи.

— Лука, это мне?

— Тебе. Дедушка послал. Бери!

Вывчей наспех обулся, надел малицу и, схватив подарок, выбрался наружу.

Над тундрой сиял незакатный весенний день. В медном наборе тасмы сразу заиграло солнце. Вывчей подпоясавшись, вынул из чехла нож и залюбовался: по новенькой стали юлила голубая змейка. С таким ножом бояться некого. Вывчей теперь станет знаменитым охотником. Он сегодня же разыщет росомаху и убьёт её.

Росомаха тревожила стадо уже вторую неделю. Позавчера, когда Вывчей при-

ехал из интерната, она снова задрала двух оленей. Это был старый и хитрый зверь. Зверь-бродяга. У лисы есть нора, у горностая — дупло, у медведя — берлога. У росوماхи нет никакого жилья. Зимой и летом она крадётся за оленьим стадом и, как убийца, нападает из-за угла. Но Вывчей прикончит её, а клыки повесит ожерельем на тасму.

Позавтракав варёной олениной и напившись чаю, Вывчей достал свою мелкокалиберную винтовку.

— Ты куда это? — спросил Лука.

— За росомарой.

Брат засмеялся и щёлкнул Вывчей по облупленному носу.

— За росомарой! Хо! Да её ещё вчера Хатанзей застрелил. Давай-ка лучше со мной поедem. На пыжиков поглядишь.

— А Варга возмём?

— Конечно! Воронов нынче хватает. Вывчей переливчато свистнул, и с ближайшей сосны снялся крупный белый кречет. Он привычно уселся на плечо мальчика

и сложил крылья. Крупные янтарные глаза его зорко смотрели вдаль.

Лука и Вывчей пошли к нартам. Вывчей отметил, что брат уже успел набить к ним летние полозья. За лето полозьев набивают несколько, потому что по камням они быстро стираются.

— Ого-гей! Кх-кх! — гикнул на оленей Лука, и упряжка помчалась вперёд.

Весной на нартах ездить худо. Того и гляди свалишься на кочках или угодишь в ледяной ручей. То ли дело зимой! Дорога — сверкающая ска-терть, только поют по-лозья да ровно дышат олени, а над головой — полночный разгар звёзд и, как цветная музыка, переливается северное сияние. «Кх-кх! Ого-гей!»

Но Вывчею и весна нравится тоже. Весною вся тундра загорается оранжевыми купавами, лилово-розовыми кандыками, красными пионами и сотнями других цветов, названий которых Вывчей пока не знает. А сколько птиц прилетает весной на озёра! Можно сутками слушать, как свистят кулики и турпаны, как гогочут гуси и где-то глубоко в болотах плачет лебедь-кликун.

В стаде, куда приехали Лука и Вывчей,

было спокойно. Важенки щипали ягель, а телята-пыжики крутились вокруг и тыкались смешными мордочками в вымя матерей.

Лука развернул упряжку и сказал:

— Ты побудешь здесь, а я съезжу в третье стадо. Да посматривай — как бы чего не вышло.

— Ладно, знаю, — слезая с нарт, откликнулся Вывчей.

Ему не очень-то хотелось оставаться одному, но он не стал спорить. Лука — бригадир, и сидеть на месте ему не положено. В стаде три тысячи голов, а пастухов в бригаде всего шестеро. Вот и управься тут.

Вывчей забрался на высокий камень. В тундре много таких камней — мелких и больших. Дедушка сказал как-то, что давно, в незапамятные времена, над Кольской землёй прошли каменные дожди. Вывчей тогда объяснил деду: это, мол, не дожди, а ледник. Когда-то, много веков назад, ледник сползал с гор и тащил за собою целые скалы. Скалы перетирались льдами и делались гладкими, как речная галька. Вот и вся загадка.

Белый кречет вдруг пошевелился на плече Вывчей и заклекотал.

— Ты что, Варг? — спросил Вывчей и поднял голову.

Высоко под облаками чернела стая воронов.

— Ну, будет тебе работа, — сказал мальчик и погладил птицу. Потом он ловко подбросил кречета и закричал: — Хег, Варг, хег!

Кречет взмыл вверх и стал набирать высоту, поблескивая на солнце снежным оперением. Вот он уже над стаей стервятников. Вороны заметили Варга и кинулись врассыпную. Но было поздно. Как маленький истребитель, кречет скользнул вниз и срезал одного из воронов. Посыпались чёрные перья. Ворон закувыркался и упал в озеро.

— Ух ты-но! Так их, Варг! — пританцовывая, кричал Вывчей. Недаром потратил он целый год, обучая Варга. Кречет бил без промаха!

Стая хищников пустилась наутёк. Только три старых ворона сложили крылья и попадали вниз, недалеко от стада. Они

были опытные и знали, что их спасенье на земле. На земле кречет не бьёт.

Вывчей бросился к воронам и закричал. Двое из них неохотно заковыляли к лесу, а третий, огромный и серый, с изогнутым, как рог, клювом, остался. Он не боялся маленького человечка и пошёл прямо к стаду. Сейчас он отобьёт важенку с телёнком и станет её пугать. Если важенка молодая, она бросит своего пыжика и убежит. А ворон своим чудовищным клювом ударит телёнка в неокрепший затылок и будет на нём плясать, выдирая куски мяса.

Вывчею стало страшно.

— Лука-а! — закричал Вывчей. — Лука-а-а!

На лбу выступил холодный пот. Нащупав на поясе рукоять ножа, Вывчей попятился к стаду. В смертельном испуге важенки и телята сгрудились за его спиной. Теперь ворон шёл прямо на мальчика, и Вывчей снова ужаснулся — какой он огромный! Ворон втянул голову в плечи, распустил крылья и зашипел. Правой рукой Вывчей выхватил нож, а левую спрятал в рукав малицы.

— Мама! Мамочка! — шёпотом сказал Вывчей. Он ещё мог убежать, но ноги уже не слушались.

Грузно переваливаясь, ворон сделал ещё несколько шагов. Теперь Вывчей видел только его глаза — лютые, с красными огоньками.

Ворон присел на коротких морщинистых лапах и снова угрожающе зашипел. Сейчас он подпрыгнет и клюнет Вывчею в голову. Мальчик напряг ноги и с криком бросился на стервятника первым. Ему удалось схватить ворона за шею. Ворон рванулся. В ту же секунду Вывчей услышал, как затрещала малица, а по ноге побежала горячая струйка.

Не выпуская горло врага, Вывчей взмахнул ножом. Ворон дёрнулся изо всех сил, и мальчик упал.

Поднявшись на ноги, Вывчей увидел повергнутого врага. Из груди ворона хлестала бурая кровь.

Тяжело дыша, Вывчей присел на камень и осмотрел ногу. Малица была располосована вместе с сапогом.

— Ну и когти, как бритва, — пробормотал Вывчей. Потом он оторвал подол рубашки и перевязал рану. Рана была глубокая, и Вывчей подумал, что придётся съездить в больницу. А где же Варг?

Кречет вернулся из погони через полчаса. Он устало опустил на плечо хозяина и заклекотал.

Вывчею очень хотелось, чтобы хоть кто-нибудь оценил его смелость. И он тихонько запел, показывая на убитого ворона:

Мы боролись с ним насмерть,
Но я одолел,
Я — охотник Вывчей.
Видишь, гуси летят над тундрой,
С океана дует весенний ветер,
А я пою весёлую песню,
Я — охотник Вывчей.

ПАРОЛЬ

Коля лежал уже несколько дней. У него была сильная ангина.

И тут приехал дед. Коля услышал его громкий голос, потом тихий голос матери. Приоткрылась дверь, и Коля увидел деда: его лохматую седую голову, его лицо.

— А, приехал наконец! — сказал Коля.

— Э, брат, да ты совсем сдаёшь позиции. — Дед сел на Колину кровать и положил ему на лоб свою ладонь.

У деда была мозолистая рука, и Коля почувствовал, как твёрдые камушки дедовых мозолей царапают ему лоб.

— Я заразный, — сказал Коля.

— Ерунда! — ответил дед. — Я этой проклятой ангиной болел сто тысяч раз.

Дед встал, потоптался и осторожно, на цыпочках, пошёл к двери. Потом остановился, повернулся к Коле и сказал:

— Но пасаран! Они не пройдут!

— Кто не пройдёт? — спросил Коля.

— Враги. Так говорили испанские революционеры.

— Всё ты напутал, — сказал Коля. — Во-первых, не испанские революционеры, а кубинские. А во-вторых, не «Но пасаран», а «Патриа о муерте» — «Родина или смерть».

— Нет, — сказал дед. — Я знаю, что говорю.

Дед снова сел на Колину кровать.

— Всё дело в том, — сказал дед, — что это было двадцать шесть лет назад. Поэтому ты ничего об этом не знаешь. Ты меня слушаешь?

Коля кивнул.

— Испанские революционеры сражались храбро, но их было мало, а испанским фашистам помогали германские и итальянские фашисты. Я сам был в Испании в те годы. Был солдатом Интернациональной бригады. У нас в бригаде были и немцы, и французы, и англичане, и венгры. Мы ненавидели фашизм.

— А как же ты воевал с одной рукой? — спросил Коля.

— У меня было две руки, — ответил дед.

Дед хотел встать с кровати, но Коля попросил:

— Расскажи ещё.

— Ладно, — согласился дед. — Слушай. Во время одного боя меня контузило, и я потерял сознание, ну, и фашисты меня схватили. Привезли в деревню и бросили в подвал. В подвале уже сидело трое мужчин. Один постарше, видно испанский крестьянин, и двое мужчин помоложе. Они сидели в трёх разных углах подвала. Я сел в четвёртый. Так мы и сидели, каждый в своём углу. А где-то совсем недалеко слышались разрывы гранат, уханье пушек. Наши продолжали бой.

Нам надо было поговорить, попытаться выпутаться из этой истории. Но, может быть, среди нас был фашист, которого посадили сюда подслушивать наши разговоры? Такое тоже могло быть. Сидим, молчим, смотрим друг на друга. И вдруг я слышу в перерыв между грохотанием боя будто кто-то поёт. Тихо так поёт, еле слышно. Поднял голову: вижу — поёт мужчина, который сидит напротив меня. Поёт на французском

языке. Рубашка на нём разорвана, один глаз заплавлен от удара. В общем совсем вроде ему ни к чему петь. А он поёт. И вдруг меня как ударило: он пел «Интернационал»!

— Понимаешь, — сказал дед. — Он искал товарищей по борьбе. Он хотел узнать, кто сидит рядом с ним: друзья или враги. Тогда я встал перед ним и тихо пропел по-русски: «Вставай, проклятьем заклеймённый, весь мир голодных и рабов!»

— «Камарад, — сказал француз. — Товарищ», — и показал на место рядом с собой. Теперь нас было двое. И тогда поднял голову второй мужчина и запел «Интернационал» на немецком языке. Потом он пересел к нам. Мы сидели рядом, плечо к плечу: русский, француз и немец. Понимаешь, мы верили друг другу. Без слов. Потому что «Интернационал» был для нас как пароль.

А бой приближался. И тут заговорил старик. Он говорил по-испански, и мы его не поняли. Тогда он подошёл к бочкам, которые стояли у стен, и попытался сдвинуть одну из них. Мы тоже стали подтаскивать бочки к дверям. Ставили их одну на другую. Старик правильно придумал: нам надо было продержаться в подвале, пока наши захватят деревню. И только мы отошли от дверей, как послышались чьи-то шаги. Кто-то подошёл к дверям, откинул засов и толкнул дверь. Но дверь даже не шелохнулась: бочки были тяжёлые. Тот толкнул дверь сильнее и громко крикнул по-испански. По лестнице зацокали ещё чьи-то шаги. Теперь уже вдвоём они навалились на дверь. Мы все четверо, как по команде, бросились к бочкам и стали их придерживать со своей стороны.

А бой уже был в деревне. Нам нужно было продержаться, может быть, минут десять, не больше. Мы слышали, как те двое стали быстро подниматься по лестнице. Мы думали, что они ушли, а они не ушли. Они подобрались к окну, вышибли стекло и бросили к нам в подвал гранату. Она упала ближе всех к немцу. Я видел её упругий гофрированный корпус. Ещё секунда — он разлетится на тысячу мелких осколков. И тут немец бросился вперёд и накрыл эту гранату своим телом, и она взорвалась под ним...

— Зачем он это сделал? — спросил Коля.

— Он не хотел, чтобы погибли все, — сказал дед. — И ещё, он ненавидел фашистов. Старик же, который, может быть, до сих пор даже не участвовал в войне, тихо-тихо сказал: «Но пасаран!»

К Коле пришла медицинская сестра, чтобы сделать ему укол пенициллина. И Коля крепко-крепко зажмурился: он очень боялся. Но он не выдал себя, потому что над ним возвышалась лохматая голова деда. А рядом с дедом стояли француз, немец и испанский крестьянин. Коля отлично их всех видел.

Они стояли перед ним, как живые.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Вставай, проклятьем заклеймённый,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилия мы разрушим
До основания, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.

Припев:

Это есть наш последний
И решительный бой,
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Никто не даст нам избавленья —
Ни бог, ни царь и не герой.
Добьёмся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Чтоб свергнуть гнёт рукой умелой,
Отвоевать своё добро,
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо.

Припев.

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землёй имеем право,
Но паразиты — никогда.
И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас всё так же солнце станет
Сиять огнём своих лучей.

Припев.

«Интернационал» — песня трудящихся всего мира.

Эта песня родилась во Франции в то далёкое время, когда за одно только слово «свобода» или «республика» расстреливали. Слова «Интернационала» написал Эжен Потье. Он был простым рабочим и бесстрашным революционером.

Музыку написал другой французский революционер — Пьер Дегейтер.

«Интернационал» — гимн Коммунистической партии Советского Союза.

Рисунок к «Телефону» К. Чуковского.

Наши
любимые
художники

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ КОНАШЕВИЧ

Когда нам что-то очень нравится, мы говорим: «сказочно», или даже: «как в сказке». Это потому, что сказки рассказывают о мечте, о стремлениях человека.

Сказки учат быть добрыми и смелыми, учат защищать хорошее, любить Родину и жить так, чтобы приносить пользу другим.

В этом номере наш журнал показывает вам рисунки Владимира Михайловича Конашевича. Он самый настоящий сказочник, этот художник. Да, да, ведь сказки можно не только рассказывать или писать, но и рисовать. Владимир Михайлович рисовал сказки. Он дал нам возможность заглянуть в сказку, увидеть и доктора Айболита со своим Тянитолкаем, и малютку Бибигону, и смешных мудрецов, которые во время грозы решили плыть в тазу по морю, и Конька-Горбунка... Художник нарисовал их так, будто бы видел всё это своими глазами.

Замечательный сказочник Андерсен рассказал о девочке Элизе, у которой была книжка, стоившая полкоролевства. Картинки в книжке были живые, нарисованные птицы пели, люди соскакивали со страниц и разговаривали с Элизой и её братьями. Картинки, которые нарисовал Владимир Михайлович, тоже будто живые. И вы счастливее маленькой Элизы, потому что у вас у всех есть книжки с такими картинками и за них не надо платить полкоролевства.

Рисунок к сказке «Горшок каши» братьев Гримм.

Рисунок к стихотворению «Качели» Л. Квитко.

Рисунок к «Сказке о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина.

Рисунок к книге «Наша древняя столица» Н. Кончаловской.

РИСУНКИ В. М. КОНАШЕВИЧА

Гром — кузнец

С небес летит и стук и звон —
Гром трудится до пота.
Передохнул немножко он —
И снова за работу.

Сумел он радугу сковать
Крутую-прекрутую,
И бросил в речку остывать,
И стал ковать другую.

Десять добрых тропок

Возле дома лесника
В жаркую погоду
Десять троп из родника
Пили с нами воду.

Путь-дорожка далека.
С ними мы расстались.
Десять троп у родника
Навсегда остались.

Если солнце припечёт,
Под осиной робкой
Вам укажут родничок
Десять добрых тропок.

Одуванчики

Куда ни глянешь — одуванчики,
Как электрические лампочки.
Когда в селе горят огни,
В степи — ни звёзд, ни месяца.
Когда я сплю,
Тогда они,
Наверно, ярко светятся.

Всадник и река

Я еду, торопя коня,
Под шорох тростника.
И вижу: обогнать меня
Задумала река.
Я тороплю коня:
— Но-но,
Дорога далека! —
Уж конь мой в пене,
И давно
Вся вспенилась река.
Я мчусь реке наперерез,
И на закате дня
Река свернула в ближний лес,
Не обогнав меня.

Ветерок

Распахнув пошире полы,
Без тропинок и дорог
По лугам, полям и сёлам
Ходит-бродит ветерок.

На лужайках сено сушит
Он в заречной стороне.
В сад зашёл —
Две спелых груши
Прямо в руки бросил мне.

На него взглянуть хотим мы,
Ждём его у всех дорог.
Может, в шапке-невидимке
Ходит-бродит ветерок?

ЗЕЛЁНАЯ ЗВЕЗДА

О. АЛЕКСЕЕВ

Нас было трое: я, сестрёнка и младший брат. Шла война. Ни отца, ни матери не было вместе с нами. Отец воевал под Ленинградом, мать ушла в партизаны.

Мы жили в деревне, в большом застуженном доме. Каждое утро к нам приходила соседка. Она рубила дрова, топила жестяную печурку. Печурка гудела и постепенно становилась розовой от жара. Но иней на потолке не таял, и ночью в доме было холоднее, чем в лесу.

По воскресеньям соседка пекла лепёшки. Хлеба у нас не было, картошки становилось всё меньше. Мать и партизаны помочь нам не могли. В деревне расположились фашисты, жил полицай.

И вдруг за деревней начался бой. В полдень, когда всё стихло, показались парни в полушубках. В руках у них были

винтовки, на шапках — красные полосы. Впереди бежала женщина с пулемётом.

— Мама! Мама! — вскрикнул братишка.

Всё вокруг закружилось, засверкало, запело. К матери я подбежал первым, уткнулся в косматую шубу.

— Мама! Мама! Мама! — без конца повторяла сестра.

Мать улыбнулась, сняла варежки и растегнула сумку. На свет появился большой белый пирог. Вчетвером мы медленно двинулись к дому.

Вместе с морозным паром вошли в дом. После чая с пирогом мне стало жарко и тяжело. Я лёг на кровать, укрылся маминой шубой. От мягкой овечьей шерсти пахло лесом и порохом. Под шубой было уютно, тепло.

Я сам не заметил, как уснул. Проснулся от громкого стука сапог.

Открыв глаза, я увидел партизан. Они вполголоса пели, курили, разговаривали. У окна, на лавке, сидел рыжеватый парень. Возле него вьюном вертелся братишка. В руках у брата был огромный иссиня-чёрный парабеллум. Я не поверил глазам. Сердце моё зашло от ревности.

И тут рыжеватый заметил меня.

— А это кто ещё? — спросил он у матери.

— Большак... Самый старший, — сказала мать.

Парень почему-то нахмурился. В доме сделалось тихо.

«Это же командир», — догадался я.

Парень вдруг встал, взял из рук братишки пистолет.

— А ну-ка, одевайтесь, — сказал он сурово.

Рис. А. ЛИВАНОВА

Мать принесла наши пальтишки, шапки, валенки. Брату кто-то подал варежки, сестру укутали башлыком.

Командир присел к столу, достал лист бумаги и карандаш. Заглянув через плечо, я прочитал: «Детей отправить в тыл в первую очередь».

За деревней мы увязли в сугробах. Матери снег был по колено, мне по пояс, сестре по грудь. Брат вовсе утонул бы в снегу, если бы я не отдал ему свои самодельные лыжи. В поле было светло. Впереди на льду озера горели костры.

Сестрёнка вдруг остановилась.

— Мам, звёздочка!

Над лесом плыла звезда. Она была искристая, зелёная, будто яблоко.

— Самолёт! Самолёт! — затопал лыжами брат.

Не останавливаясь, мы побежали к кострам. Мать подхватила на руки сестрёнку и брата. Самолёт оказался большим. Вместо колёс у него были лыжи. Когда мы подбежали, уже шла разгрузка. Пахло бензином, газетами и апельсиновой коркой. Партизаны оттаскивали в сторону белые еловые ящики. Рядом вдруг заскрежетал чёрствый снег. К самолёту со всех сторон ехали сани. В розвальнях под овчинами лежали раненые. Кто-то бредил, кто-то глухо стонал.

Разгрузка окончилась, лётчик махнул рукой. Двое партизан подняли с саней парня в белом халате и осторожно уложили на носилки. Я удивился: одна нога была в чёрном валенке, другая — в белом. Я понял: белое — это бинты.

А сани всё подъезжали и подъезжали...

— Мам, — сказал я, — места не останется.

Мать не ответила, только положила мне на плечо тяжёлую руку.

С последних саней поднялся невысокий парнишка. Левый рукав полушубка был пустой. Сзади, держась за этот рукав, неловко ковылял человек с завязанными глазами.

— Скорее! Только два места! — крикнул раненым лётчик.

И тут мы увидели командира. Пробираясь сквозь толпу, он что-то кричал, показывая матери на самолёт.

— Детей! Я приказываю! — крикнул командир.

Раненые остановились, потом отступили в сторону. Мать посмотрела на меня, на сестру, на брата:

— Домой... Бегом... — чуть слышно шепнула она.

Первым с места сорвался братишка. Партизаны хотели поймать его. Но он прыгнул в сторону, нырнул под самолёт, коlobком покотился по озёрному насту. Вместе с сестрёнкою я бросился следом. Стало вдруг жарко, перед глазами запрыгали красные полосы. Но я не останавливался. В ушах звенел ветер, под ногами взвизгивал снег. Влетев в ольховые кусты, мы, наконец, перевели дух... А возле костров уже заревели моторы. Прошла минута, другая, третья... Над лесом медленно поплыла большая зелёная звезда.

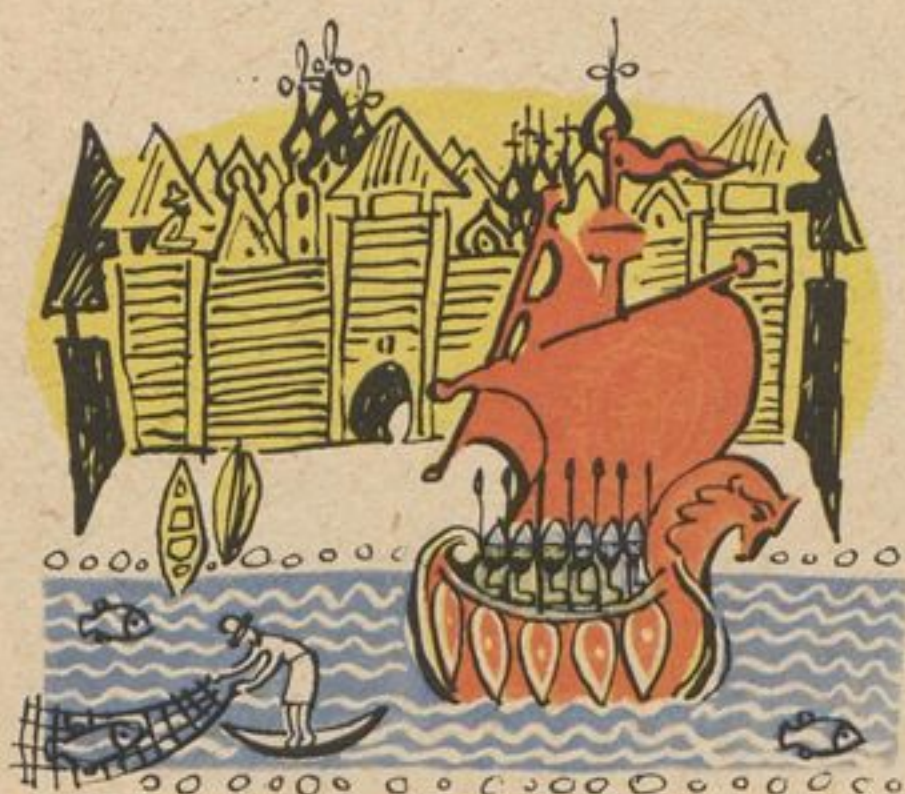
1100

Λ ε πп

Смоленск — старинный русский город. Он стоит у самого края русской земли.

В этом году исполняется 1100 лет со дня основания города.

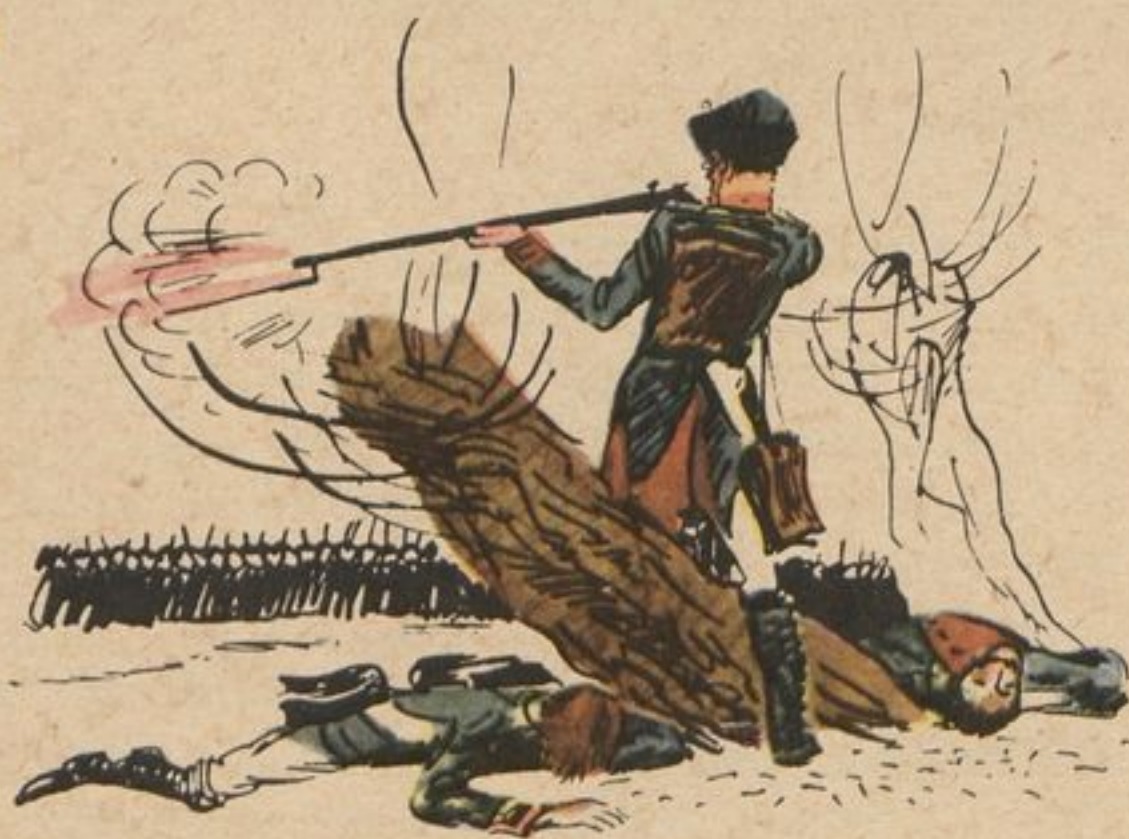
IX в.

Уже в это время Смоленск был крупным торговым городом. Пути купцов из заморских стран проходили мимо его стен.

1440 г.

Восставшие смоляне прогнали чужеземных захватчиков и бояр-притеснителей. Полтора года городом управляли простые люди.

1812 г.

Этот русский солдат — имя его осталось неизвестным — целые сутки сдерживал армию Наполеона на переправе через Днепр.

ТЕЛЕГРАФЪ

1917 г.

Началась Октябрьская революция. Трудовой народ Смоленска взял власть в свои руки.

КРАПИВА

Василий ГОЛЫШКИН

Хвастался Сенька: хоть кого голой рукой побороть может.

— И тигра?

— И тигра.

Может, и поборот. Кто его знает. Сенька человек сильный. А тигра никто из ребят не видел.

Но маленький Павлик — хитрец из хитрецов — спросил:

Л Е Н С К О

Мы побывали в Смоленске, посетили музеи, познакомились с его славной историей и нарисовали для вас, ребята, эти картинки.

ГЕРБ ГОРОДА

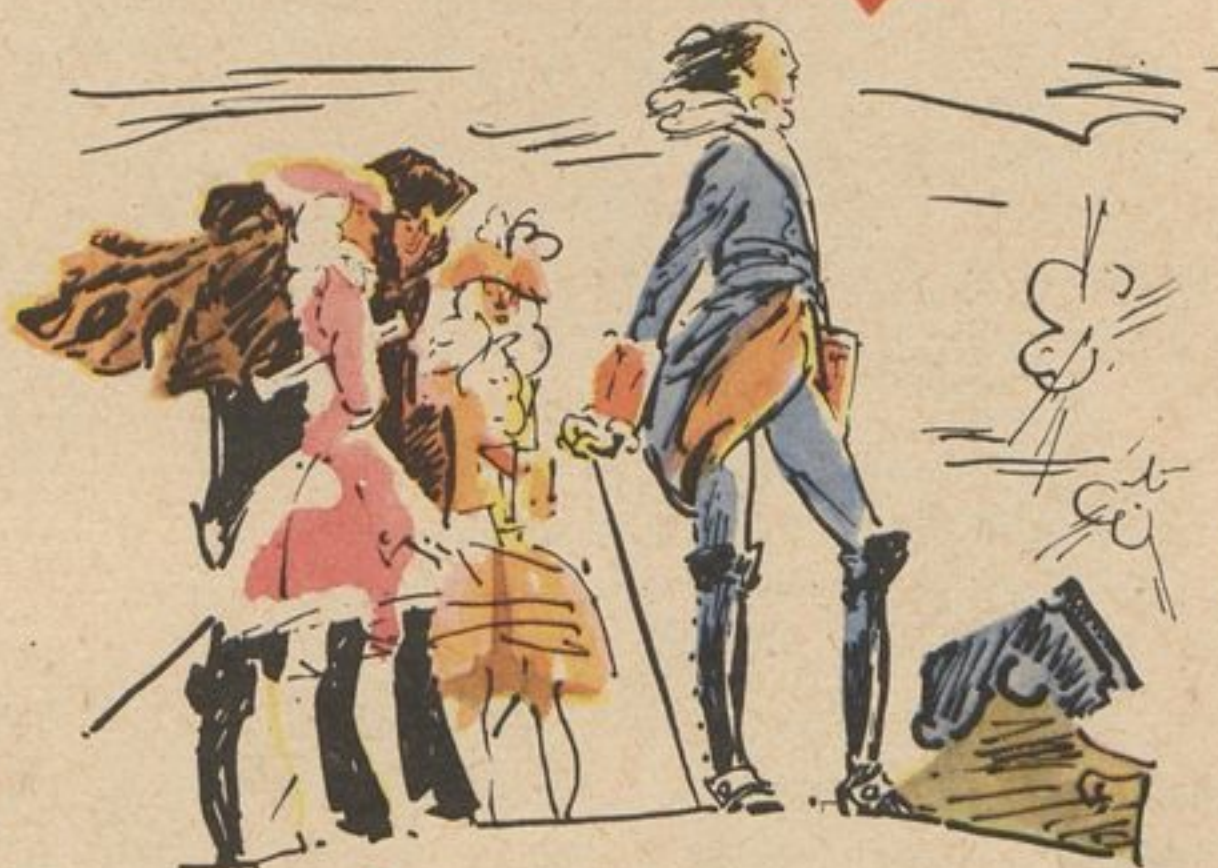
СМОЛЕНСКА

В. ЛОСИН,
В. ПЕРЦОВ

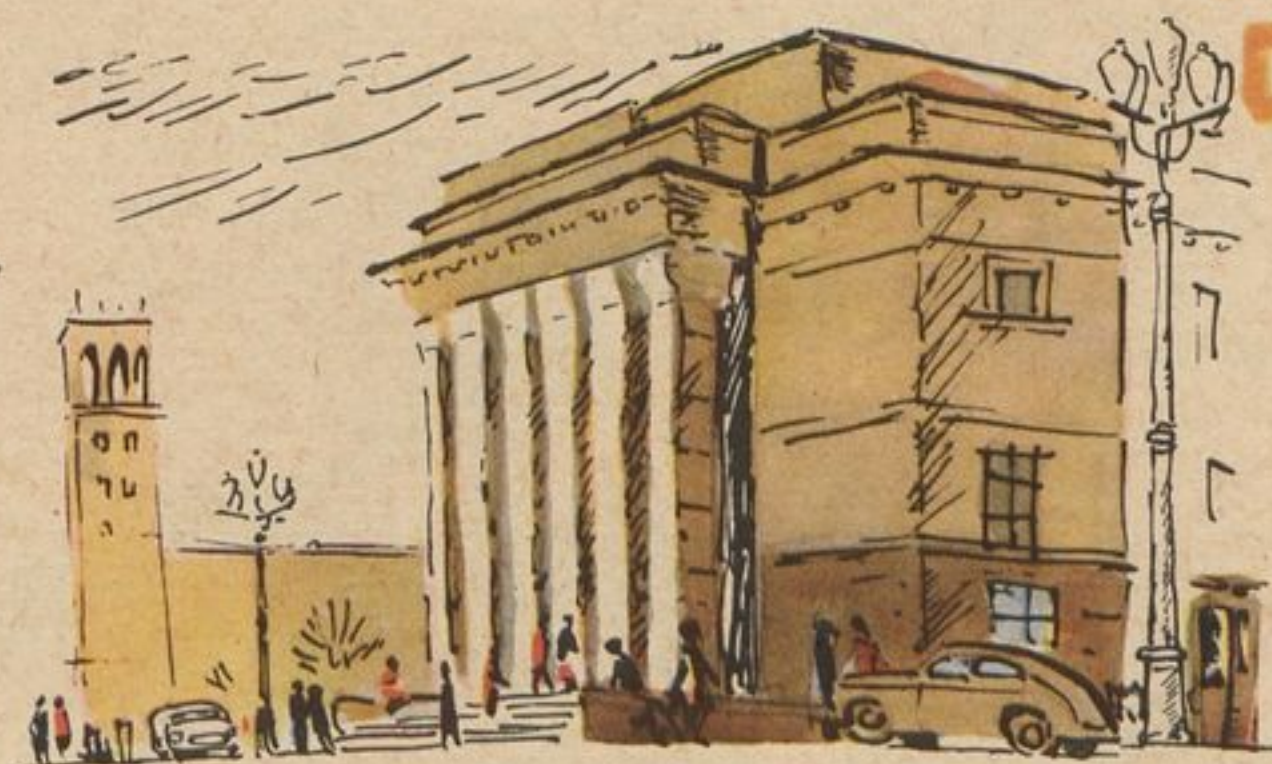
1611г. Войска польского короля Сигизмунда шли на Москву. На их пути встал Смоленск. Двадцать месяцев мужественно защищался город.

1708г. Возле Смоленска войска Петра I остановили армию шведского короля Карла XII, заставили его повернуть на юг, где он вскоре был разгромлен в знаменитой Полтавской битве.

1942г. Великая Отечественная война. Оставшись в тылу врага, жители Смоленска поднялись на борьбу с фашистскими захватчиками. Вместе со взрослыми сражались и дети. Пионеру Володе Куриленко за мужество было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

1963г. Смоленск — большой и красивый город. Глядя на него, трудно представить себе, что во время войны он был почти полностью разрушен — так хорош он со своими красивыми домами и тенистыми парками.

— А крапиву побороть можешь?
Хвастун как паводок. Начнёт «заливать» — не остановишь.
— И крапиву могу.
— Попробуй.
Схватил Сенька крапиву за вихор и тут же руку отдернул.
— Кусается.
— Эх, ты! — сказал Павлик. Взял колючий

стволик в ладошку, провёл снизу вверх и сорвал крапиву. Даже не обжёгся.
Шёл мимо учитель. Узнал, в чём дело, и так сказал:
— С умом не то что крапиву, тигра побороть можно.
Может, и можно. Кто его знает. Тигра никто из ребят не видел. А крапива — вот она. На виду у всех растёт, да не всякому поддаётся.

ХИТРЫЙ УТЁНОК

Сказка

Маргарита КАРАЧЕВА

Рис. Н. ЧАРУШИНА

В дремучем лесу под корнями старого дуба жила злая волчица с двумя волчатами. Были эти волчата такими злобными и отчаянными, что прозвали их: одного — Хватайкой, а другого — Кусайкой.

Все лесные зверушки и птицы боялись серых разбойников. Но что с ними поделаешь, если их мать волчица была самым сильным зверем во всём лесу!

Как-то волчица принесла утёнка. Был он совсем крошечным — жёлтый пушистый комочек с чёрными бусинками глаз.

— Я сейчас его съем! — заорал Хватайка.

— Нет, я! — возразил Кусайка.

И оба разбойника бросились на утёнка. Но старая волчица оттолкнула их:

— Прочь! Стоит ли затевать драку из-за такого малыша. В нём так мало мяса, что на двоих не хватит. Покараульте-ка его, а я ещё к колхозной ферме сбегая. Я уверена, что мать утка пойдёт искать его со всем своим выводком. Тут-то я их и подкараулю.

Волчица нырнула под куст и исчезла, словно в воздухе растаяла, — ни одна травинка, ни одна веточка не шелохнулась.

Прошёлся бедный утёнок по полянке. Но волчата ни на шаг не отставали от него. Всё время он чувствовал на своей спине их горячее дыхание.

«Что делать? — думал утёнок. — Мама утка вместе с братишками и сестрёнками обязательно пойдёт искать меня на лесную опушку. Нет, я должен спасти нашу семью!»

Думал, думал утёнок, как ему убежать, и вдруг придумал.

— Эх вы, волчата-чудачата! — закричал он. — Ничего-то вы не знаете, ничего не понимаете!

Навострили волчата уши.

— А чего мы не знаем, чего не понимаем?

— Не знаете вы, отчего утята быстро растут...

— Ну, объясни, если ты такой умный! — закричали волчата.

— И объясню! Утята растут и толстеют от воды. Как выпьет утёнок три глотка свежей воды, так сразу на нём кусок жирного мяса нарастает!

— Врёшь! — не поверил Хватайка.

— Так сразу и вырастешь? — неуверенно спросил Кусайка.

— Так сразу и вырасту.

— И жирным сразу станешь?

— И жирным стану.

— Тогда пей скорее воду из этой лужи!

— Нет! — покачал головой утёнок. — Из лужи вода не годится. Мне нужна водичка чистая, прохладная, речная...

Пошептались волчата и решили отвести утёнка на речку.

По узенькой тропиночке, извивающейся между кустами орешника, спустились к воде.

— Ну, пей поскорее! — крикнул утёнку Хватайка. — Пей, расти, и пойдём обратно!

— Сейчас, сейчас! — ответил утёнок.

Подошёл он к бережку да как прыгнет в воду.

И давай лапками работать.

— Хватай его! Держи! — заорал Хватайка.

— Утонешь! Вернись! — заскулил Кусайка.

А утёнок поплыл по речке прямо к колхозной птицеферме. Приплыл он туда как раз вовремя: мама утка ужехватила его и собиралась со своим выводком идти к опушке леса искать пропавшего.

Ю. ФАТНЕВ
Рис. А. БРЕЯ

Выскочили из коробки цветные карандаши, увидели на столе раскрытый альбом и заспорили, что рисовать.

Красный говорит: «Солнце».

Жёлтый говорит: «Подсолнух».

Синий говорит: «Небо».

Коричневый говорит: «Землю».

Зелёный говорит: «Деревья».

Чёрный говорит: «Ночь».

Потом Красный карандаш спохватился:

— Братцы, к чему спор? Давайте рисовать каждый, что хочет: я — солнце, Жёлтый — подсолнух, Синий — небо, Коричневый — землю, Зелёный — деревья... Получится отличная картина.

Обрадовались спорщики, но только придвинулись к альбому, как Чёрный карандаш их остановил:

— А что же про меня забыли? Я хочу рисовать ночь!

Задумались карандаши, как быть. Если он нарисует ночь, тогда нечего делать другим карандашам. Ночью не светит солнце, не заметна желтизна подсолнуха и зелень деревьев, а синее небо и коричневая земля слиты в одно тёмное пятно.

И решили они рисовать, как посоветовал Красный карандаш, каждый своё.

Отличная получилась картина.

— Ах так! — рассердился Чёрный карандаш. — Тогда я всё, что вы нарисуете, зачеркну!

Стал Чёрный карандаш черкать по картине и черкал до тех пор, пока не сломался. Но так и не смог зачеркнуть всю картину. Остались на ней лишь кое-где тени.

Но они не страшны хорошей картине.

Владимир КОРКИН

Зарядка-загадка

Выгнул спину он дугой,
Замаякал.
Кто такой?
Потянулся сладко —
Вот и вся зарядка!

Я и Солнышко

Взял я удочку с собою,
Червяков на доньшке.
Нас на речке только двое:
Я
И Солнышко!

ЛЕТО

Н. НАДЕЖДИНА
Рис. М. МЕЖЕНИНОВА

В другой раз мы расскажем, как прошёл финиш весеннего путешествия, а сейчас приглашаем вас, ребята, на летний старт.

Если вы путешествовали по лесу в зимний мороз и в весеннюю грязь, то уж летом вы, конечно, там побываете не раз. Поэтому и вопросы к вам будут чаще всего лесные.

Большинство лесных деревьев цветёт ранней весной, но можно и летом увидеть в лесу цветущие ветки. Это последнее цветение — больше уже ни одно лесное дерево не зацветёт до будущей весны.

КАК ЗОВУТ ЭТО ДЕРЕВО, ЗА ЧТО ЛЮБЯТ ЕГО ПТИЦЫ?

Есть в лесу и трава, и кусты, и деревья — и повыше и пониже, одни над другими, как этажи.

СКОЛЬКО ЭТАЖЕЙ В ТВОЕМ ЛЕСУ? НАЗОВИ РАСТЕНИЯ, КОТОРЫЕ ТЫ ЗНАЕШЬ В РАЗНЫХ ЭТАЖАХ ЛЕСА.

Подосиновик потому и зовут подосиновиком, что его красная шапочка прячется в траве у осиновых корней. Но в лесу растут не только подосиновики.

С КАКИМИ ГРИБАМИ ДРУЖАТ БЕРЕЗА, ЕЛЬ, ДУБ И СОСНА?

Лето — ягодная пора. Что ни месяц — в лесу новые ягоды.

НАЗОВИ ДЛЯ КАЖДОГО МЕСЯЦА ЕГО ЯГОДУ, РАССКАЖИ, ГДЕ В ЛЕСУ ЭТИ ЯГОДЫ НАДО ИСКАТЬ.

Мы хотим, чтобы, путешествуя по лесу, ты задумался и ответил:

КАКУЮ СЛУЖБУ СЛУЖИТ ЛЕС ЛЮДЯМ?

А вот и последний вопрос:

ЧЕМ ТЫ ПОСЛУЖИЛ ЛЕСУ, ЧТО ДОБРОГО СДЕЛАЛ ДЛЯ НЕГО?

На обложке — рисунок Т. ЕРШОВА

Редактор А. МИТЯЕВ

Редколлегия: З. Александрова, А. Барто, Л. Виноградская, Л. Воронкова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова (зам. редактора), М. Коршунов, Ю. Коринец, С. Маршак, Ю. Нагибин, К. Орлова (ответственный секретарь), Е. Рачёв.

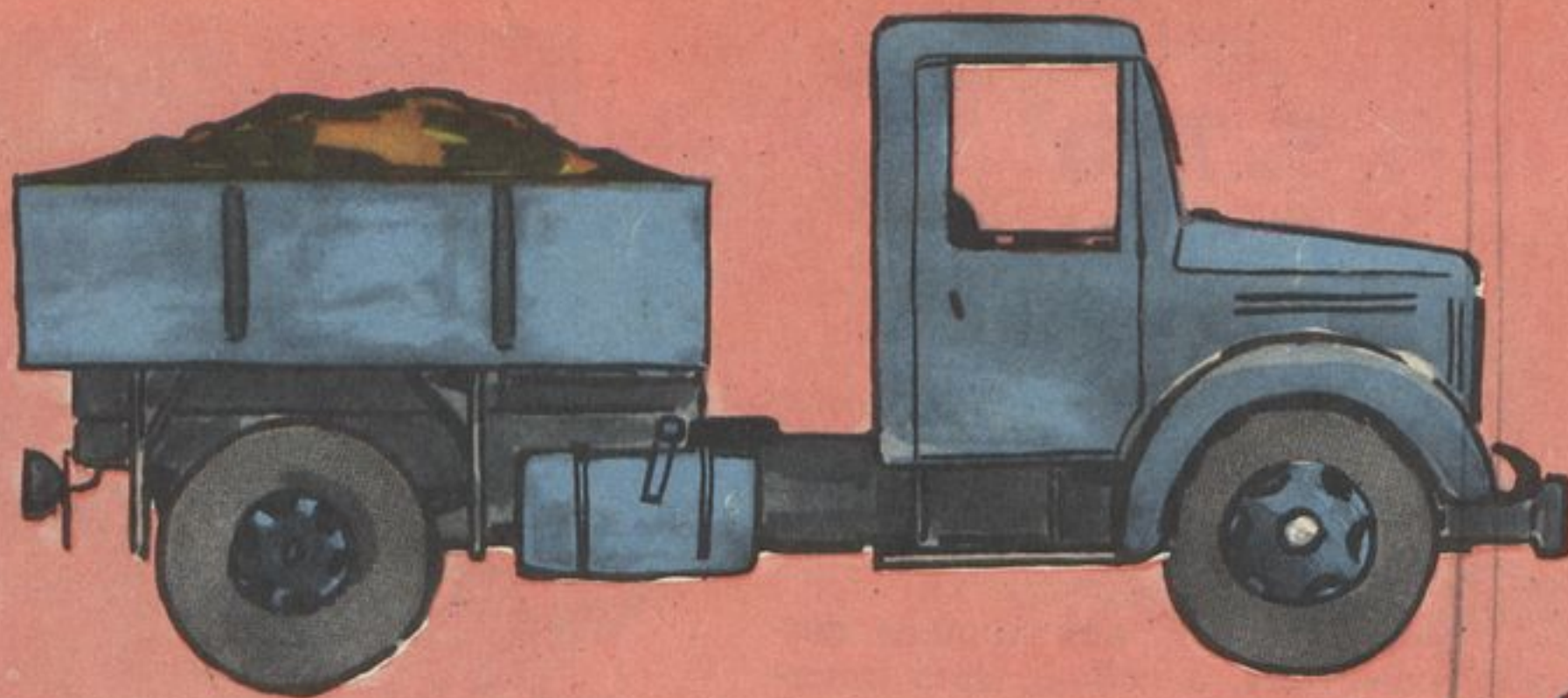
Худож. редактор Ю. Молоканов. Техн. редактор Л. Петрова

Год издания тридцать девятый. Цена 10 коп.

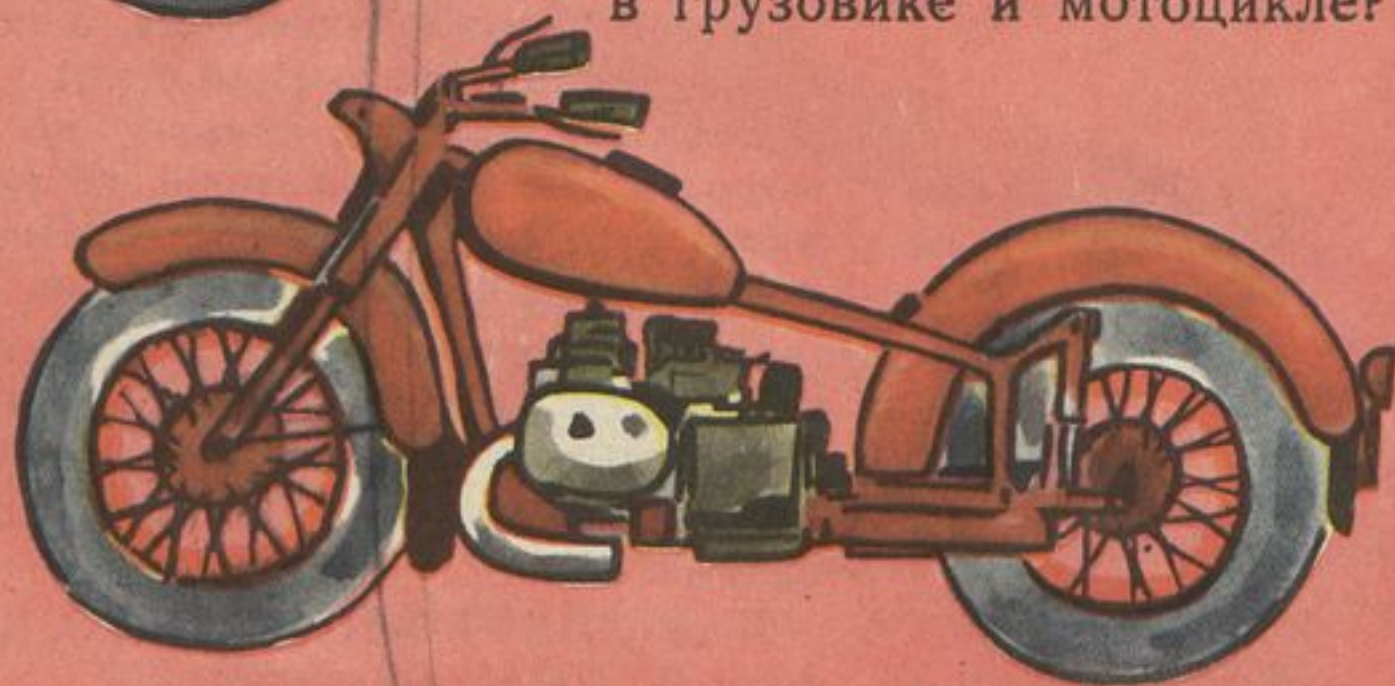
Подп. к печати 8/V 1963 г. Бумага 60×90¹/₄. Печ. л. 3 (3). Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 500 000 экз. Заказ 678.

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-30, Суцёвская, 21. Телефон: Д 0-45-08.

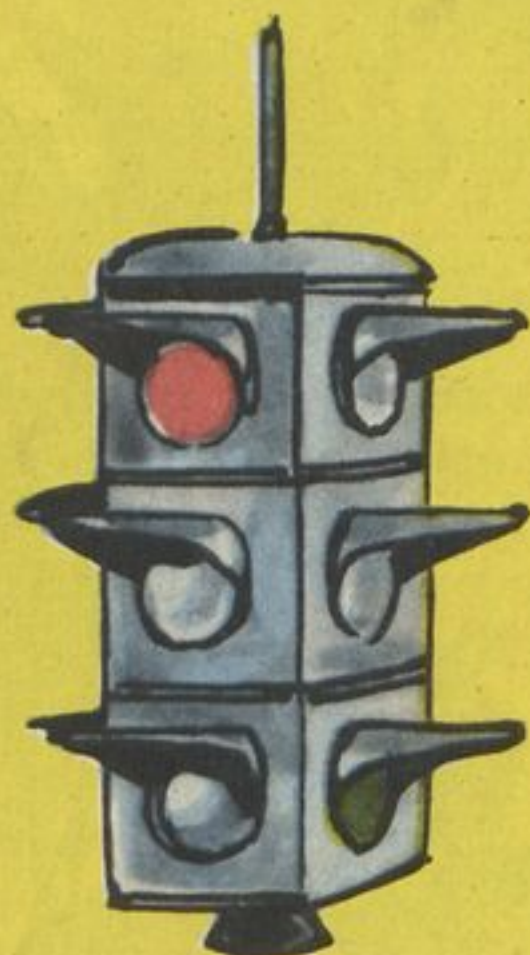

Каких частей не хватает
в грузовике и мотоцикле?

Кто переходит улицу правильно:
мальчик или девочка?

Помогите велосипедистам проехать
к своему товарищу.

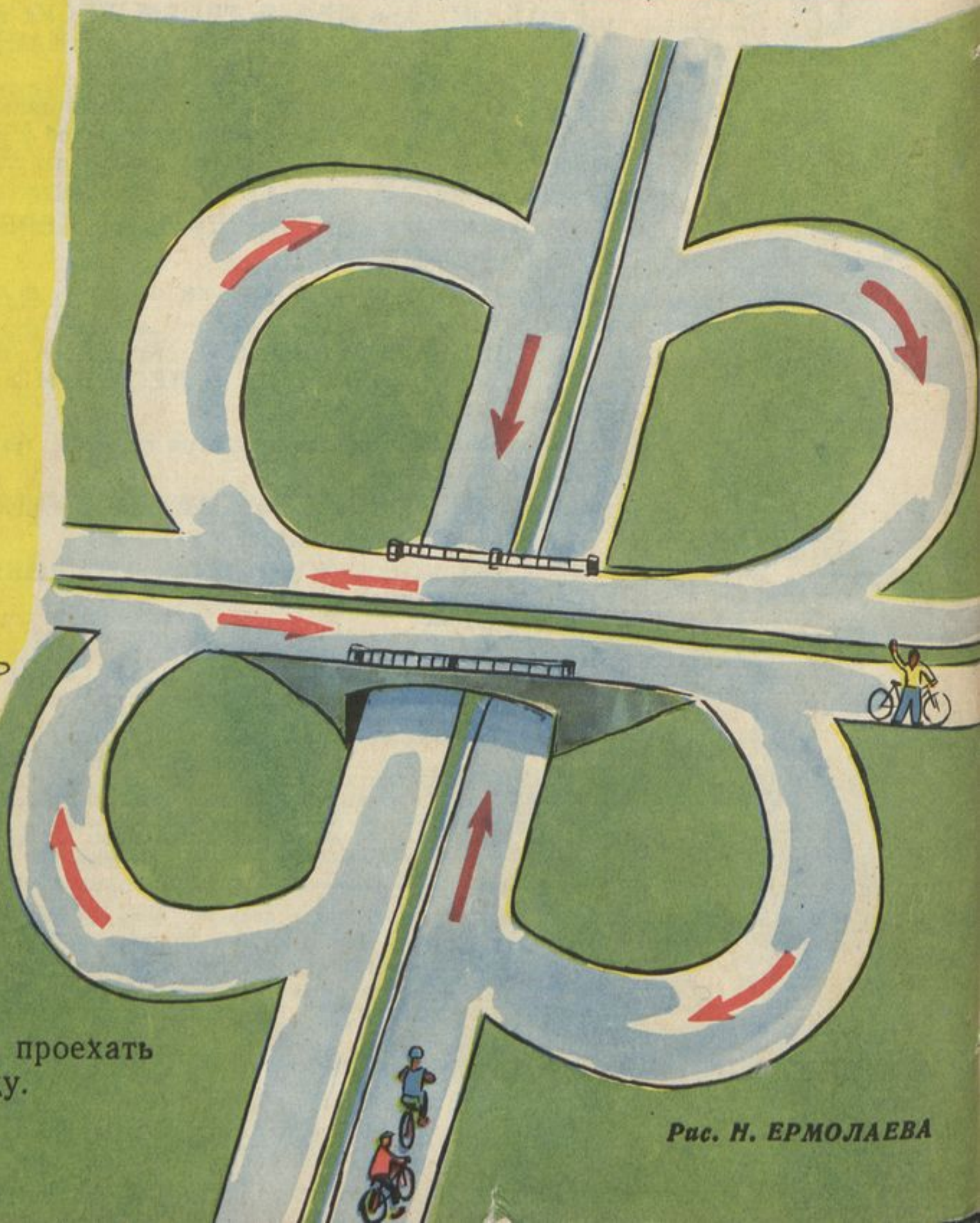

Рис. Н. ЕРМОЛАЕВА